МАКСИМ МЕЙСТЕР

КАК БЫ ЭЗОТЕРИКА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ15

Максим Мейстер
Как бы эзотерика. Собрание сочинений, том 15

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21160315
ISBN 9785448317378

Аннотация

Сборник эзотерических рассказов и зарисовок. Истории в разных стилях и разные по форме, объединены общей темой поиска скрытого смысла в жизни.

Содержание

О книге 5
Блуждающий будда 6
Взгляд из сердца 28
Надежда на холодном подоконнике 51
Авиалинии и религии 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Как бы эзотерика Собрание сочинений, том 15 Максим Мейстер

© Максим Мейстер, 2016

ISBN 978-5-4483-1737-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

В сборнике собраны несерийные эзотерические рассказы автора. Эти рассказы отсутствуют в других томах «Собрания сочинений». Рассказы и зарисовки в разных стилях и разные по форме, но объединены общей темой поиска скрытого смысла в жизни и смысла существования этого мира. Особенно рекомендуем обратить внимание на следующие истории: «Блуждающий Будда», «Не просто семечки», «Взгляд из сердца», «Образ из Океана».

Блуждающий будда

«Щелк… Щелк… Щелк…» – маленькая серебряная шкатулка в руках мастера Чена щелкала крышечкой, словно метроном. Мастер открывал изящную шкатулку, сосредоточенно и даже немного удивленно смотрел в нее, а потом большим пальцем резко захлопывал крышечку. Снова открывал, снова сосредоточенно смотрел, снова захлопывал. Так продолжалось уже около двух часов. От напряжения у мастера Чена на лбу и висках вздулись вены, несколько капелек пота медленно пробирались по щеке к подбородку. Равномерные звуки-щелчки для мастера постепенно слились в один равномерный гул, не различимый, как тиканье часов.

Наконец в глазах мастера Чена что-то изменилось. Исчезло сосредоточенное и удивленное выражение. Шкатулка замерла в его руках, и больше не издала своего «щелк».

– Пусто, – сказал мастер Чен и равнодушно выронил шкатулку, мгновенно потеряв к ней интерес. Его лицо теперь светилось спокойствием и удовлетворением. Мастер приказал своему телу расслабиться.

– Да, тоже пусто… – повторил он и, прикрыв веки, улыбнулся. Он уже собрался погрузиться в привычную медитацию, когда в дверь постучали.

– Беспокойствам не сидится на месте, им свойственно приходить, – произнес мастер Чен. Вслушался в звук соб-

ственного голоса, попытался вникнуть в то, что он сказал. Недовольно покачал головой и открыл глаза.

– Тоже пусто… – тихо решил он и громко добавил: – Да?

Дверь открылась и в комнату вошли.

– Мастер Ли! – мастер Чен поднялся и приветливо улыбнулся. – Я рад вас видеть снова…

Мастер Ли взглянул исподлобья.

– Я помню, что мы уже виделись сегодня утром, – сказал он. Его, конечно же, не обманула ни улыбка на лице Чена, ни его вежливый голос. – Я должен извиниться, что прерываю ваши занятия. Поверьте, мне очень неудобно, но я смиренно прошу принять меня.

– Что вы, брат! – искренне изумился мастер Чен. – Неужели вы думаете, что мои по сути совсем пустые занятия значат для меня больше, чем даже малейшая возможность быть чем-то полезным кому бы то ни было, не говоря уж о таком возвышенном…

– Брат Чен, пожалуйста, не надо со мной упражняться в вежливости, – мастер Ли все-таки улыбнулся, но лишь на мгновение.

– Хорошо, брат, – лицо мастера Чена приобрело обычное свое выражение – спокойного, погруженного в себя человека. – Пожалуйста, проходите…

Мастер Чен подождал, пока гость подойдет. Они почти одновременно опустились в кресла. Друг напротив друга. Мастер Ли молча осмотрелся, словно видел эту комнату впер-

вые. «Почему брат до сих пор не избавился от всей этой роскоши?» – мелькнуло в его уме, но он тут же привычно уничтожил эту мысль, почувствовав в ней критический настрой. Его собственная комната внешне совсем не отличалась от комнаты мастера Чена, но он уже давно избавился и от ковров, и от кресел, и от телевизора с видеомагнитофоном, и от всей другой мишуры, которой снабдил монастырь один богатый американский любитель буддизма…

Примерно полгода назад в монастырь заехал путешественник с Запада. Монахи уже привыкли к этим белым, как две капли воды похожим друг на друга, искателям восточной экзотики. В монастыре даже расширили комнату для гостей, сделав ее удобной не только для привычных к любым условиям монахов, но и для изнеженных западных путешественников. Никто в монастыре не запоминал труднопроизносимых имен гостей. Вслед за мастером Ли их всех звали «мистер Смит». Обычно путешественники останавливались в монастыре на пару дней. Они восхищались спокойствием и размеренной жизнью монахов, на словах высказывали сильную зависть, а через несколько дней почему-то торопились уехать. Но полгода назад очередной мистер Смит остался в монастыре надолго. Первую неделю он просто не выходил из комнаты для гостей, и наиболее любопытные из послушников говорили, что он просто лежит и смотрит в потолок. Он сделал щедрое пожертвование монастырю. Два раза в день один из послушников приносил ему простую еду и во-

ду. К концу первой недели пребывания мистера Смита в монастыре им заинтересовался мастер Ли. Он подошел к двери комнаты для гостей и постучался.

– Да? – раздался в ответ глухой голос мистера Смита.

Мастер Ли вошел. Гость и в самом деле лежал на спине и смотрел в потолок. Мастер почувствовал беспокойство. Он подошел и, ни слова не говоря, сел рядом с кроватью. Он погрузился в себя, стараясь увидеть гостя на тонком плане. Почти сразу на мастера Ли обрушился поток такого отчаяния, такой тоски, что опытный монах чуть не выскочил из комнаты. Но он пересилил себя и до вечера, обливаясь потом, впитывал эмоции гостя и отправлял их в пустоту. К вечеру, так ни слова и не сказав, мастер Ли встал и вышел из гостевой. Он чувствовал себя, как раздавленный жук: еще не мертвый, но и не живой. Он добрался до своей комнаты, где сразу же рухнул на подстилку, набитую сухой травой, заснув еще в падении…

Никто в монастыре так и не узнал, что так мучило мистера Смита, что его заставило бежать из богатой и счастливой Америки в буддийский монастырь. Никто не узнал причин его состояния, но все видели, как на следующее утро после визита мастера Ли американец впервые вышел из комнаты. Он потянулся, сделал несколько упражнений и улыбнулся восходящему солнцу. Проходивший рядом послушник улыбнулся гостю и приветливо помахал ему рукой.

– Кто это был у меня вчера вечером? – спросил его мистер

Смит по-английски. Послушник улыбнулся еще шире и что-то ответил.

– Не понимаешь, да? – уточнил мистер Смит. Послушник весело закивал, а потом на жутко ломаном английском произнес:

– Мастер Ли говорит могет. Хоросо-хоросо могет. Я – нет…

– Понятно. А где он?.. Мастер Ли. Где Мастер Ли? – американец повторял имя мастера, пока послушник не понял и не отвел мистера Смита к нужной двери.

– Мастер Ли, – сказал он и исчез.

Мистер Смит как мог вежливо постучал. Вошел. Немного вычурно поклонился, заученным жестом сложив ладони.

– Вы говорите по-английски? – спросил он.

– Да, – просто ответил мастер Ли. Он только недавно пришел в себя, но был рад видеть гостя на ногах. – Вам лучше?

– О да! – у мистера Смита загорелись глаза. – Как вы это делаете?!

– Что? – удивился мастер Ли.

– Я будто заново родился! Из-за того, что случилось, я чуть не покончил с собой… И, наверное, этим бы и кончилось, но за один день!.. За один вечер… Я сегодня проснулся, и все мои беды вдруг показались настолько мелкими, потому что… Я даже не могу объяснить это! Как же так? Просто раз – и нет! Как вы это делаете?

– Я здесь ни при чем, – скромно улыбнулся мастер Ли. –

Это все атмосфера монастыря. Вы, наверное, прибыли из очень беспокойного места… – При этих словах мистер Смит яростно закивал головой. Он явно хотел что-то сказать, но удержался. – А здесь – нет беспокойств, – продолжал монах. – Все ваши проблемы, не имея почвы для своего развития, поглотили сами себя. Понимаете?

– Да! Да! – с жаром заговорил мистер Смит. – Я понимаю! Это здорово! Я чуть не умер, а на самом деле… Это – нечто! Я хочу стать монахом! Вы принимаете в монастырь? Я заплачу, сколько надо! Я богат!

– Вы можете жить, как гость, сколько хотите… – грустно улыбнулся мастер Ли.

– Но я хочу стать монахом, быть на равных со всеми здесь. Я понял, как бессмысленно и глупо было всё, чем я занимался… Только спокойствие имеет смысл. Слиться с этим спокойствием. Это такое наслаждение! Я почувствовал вчера такое!.. О! Вам не понять!

– Хорошо, вы можете жить здесь на правах гостя еще месяц, а потом, если вы не передумаете, мы посвятим вас в мона…

– О! Я понял! Это испытание, да? Думаете, я сам откажусь? Ну уж дудки! Вернуться к этой… Не-ет! Я отсюда ни ногой! Месяц, так месяц! А зачем так долго? Какая разница: день, неделя, месяц, год… Время не имеет значения, ведь это только спицы на колесе самсары… – мистер Смит хитро улыбнулся. – Я ведь правильно говорю?

– Да, время не имеет значения, – согласился мастер Ли и почему-то закрыл глаза.

Мистер Смит удивленно посмотрел на него, неловко потоптался в дверях.

– Э-ээ, мастер Ли? – наконец произнес он, не выдержав и минуты молчания. – Так, значит, через месяц?

– Да, – мастер открыл глаза и недоуменно посмотрел на американца. – Ведь время не имеет значения?

– Вам понравилось? – довольно хохотнул американец. – Тогда я пока пошел. Можно я буду иногда приходить к вам, чтобы поговорить о буддизме?

– Поговорить о буддизме? – глаза мастера Ли округлились. Он несколько раз произнес эти слова про себя, а потом вдруг звонко рассмеялся. – Поговорить о буддизме!..

– Да, а что? – лицо мистера Смита недовольно вытянулось. Он не любил, когда над ним смеялись. Лицо монаха мгновенно сделалось серьезным.

– Нет-нет, ничего. Конечно же, приходите. Я всегда буду вам рад…

Но как только дверь за гостем закрылась, лицо мастера Ли снова расплылось в широкой улыбке.

– Поговорить о буддизме! – повторил он со вкусом. – Как глубоко и просто одновременно! Я не смогу спокойно заниматься, пока не поделюсь этой находкой!

Мастер Ли торопливо вышел из комнаты и через несколько секунд уже стоял у двери в комнату мастера Чена. Ма-

стер Ли внутренне собрался, чтобы ни одним мускулом не выдать себя… Он вошел с очень серьезным выражением лица.

– Брат Чен, я пришел, чтобы поговорить с тобой о буддизме!

На лице брата Чена застыла приветственная улыбка, а через секунду он рассмеялся. Мало кто слышал в монастыре смех Чена…

– Брат, ты сам это придумал? – спросил он восхищенно. – Какая глубина! «Поговорить о буддизме»!

Потом они долго сидели и молчали вместе, вновь и вновь пытаясь проникнуть в бездонную глубину нового коана.

– Я хочу встретиться с ним… – сказал Чен, когда узнал, кто автор удивительной фразы. Мастер Чен встал и вышел. Через десять минут он вернулся и разочарованно сказал:

– Он слишком полон и пуст одновременно… Его мудрость не от знания, а от глупости. Наполненная пустота – самое страшное состояние этого мира. У него нет шансов.

Сказав эти слова, мастер Чен потерял интерес к гостю и больше с ним не встречался. Мастер Ли был согласен с точным, хоть и безжалостным приговором брата, но еще несколько раз встречался с самоуверенным американцем, который по большей части не давал собеседнику и слова сказать, делясь своим пониманием сути буддизма и своими открытиями. Мистер Смит был так вдохновлен своим быстрым продвижением по пути к нирване, что первые три дня второй

недели пребывания в монастыре не давал никому прохода, стремясь что-то объяснить всем и каждому. Мастер Ли уже успел несколько раз пожалеть о том, что когда-то выучил английский…

К его счастью, в конце второй недели мистер Смит вдруг куда-то засобирался. У мастера Ли хватило такта ни о чем не напоминать беспокойному гостю.

А мистер Смит между тем явился к мастеру Ли в походной одежде, в которой какие-то две недели назад явился в монастырь.

– Я так благодарен вам и вашему монастырю… – начал гость проникновенно, – что не могу покинуть его, ни чем не отплатив вам… Конечно, я еще вернусь сюда, но сейчас меня ждут неотложные дела… По-моему, я еще смогу все исправить там у себя, и тогда… – мистер Смит мечтательно закатил глаза. – У меня будет столько денег, что я наконец смогу все бросить и стать буддийским монахом!

Мастер Ли хотел попытаться понять эту фразу, но не стал, так как почувствовал, что может показаться невежливым, если вдруг ему это удастся.

– Мы будем ждать вас, – вежливо улыбнулся мастер Ли.

Перед тем как уехать, мистер Смит попросил, чтобы ему позволили отблагодарить монастырь так, как он хочет. Никто не возражал. Тогда гость исчез на пару дней, а потом приехал с целым грузовиком всякой всячины. За день с помощью нескольких рабочих и одного немного сумасшедше-

го человека со странным именем «дизайнер» мистер Смит превратил комнаты двух наставников монастыря в роскошные апартаменты. Полы и стены были покрыты толстыми коврами, соломенные подстилки выкинуты и заменены роскошными кроватями с золочеными спинками. Появилась какая-то несусветная мебель и электроника… Послушники с интересом и завистью заглядывали в двери, рассматривая новенький телевизор, видеомагнитофон и музыкальный центр с набором дисков околовосточной музыки. Однако всему этому великолепию не суждено было радовать своих новых хозяев. Как только довольный собой мистер Смит уехал, мастер Ли приказал вынести все из своей комнаты и сбросить в ближайшую пропасть. Мероприятие получилось торжественным и очень символичным. В нем принял участие даже мастер Чен. Он стоял на самом краю обрыва и провожал взглядом каждую брошенную вещь.

– Да, так тоже можно, – сказал он, когда все закончилось. – Наши желания, брошенные в пустоту, разбиваются. Разбитое желание не так опасно, но самое безопасное желание то, которого нет…

Все ждали, как поступит мастер Чен со своей преображенной комнатой, но он ни как не поступил. Уже полгода она оставалась в том же состоянии, в котором ее оставил мистер Смит и его помощники.

…Два наставника небольшого высокогорного буддийского монастыря сидели друг против друга и молчали. Мастер

Чен и мастер Ли, несмотря на то, что принадлежали к одной школе буддизма и жили вместе в одном монастыре уже больше двадцати лет, были совсем не похожи друг на друга. Высокий, худощавый мастер Чен слыл мрачным и суровым учителем. Послушники его уважали, но побаивались, стараясь без нужды не попадаться ему на глаза. Лицо Чена из-за своей непроницаемости было похоже на маску. Никто, кроме мастера Ли, не видел, чтобы мастер Чен улыбался. При этом все по себе знали, что взгляд его пронизывает насквозь… Послушники монастыря побаивались мастера Чена и были рады, что его не по-восточному вытянутое и бледное лицо можно было видеть не так уж часто. Большую часть времени мастер проводил у себя в комнате, покидая ее только во время занятий, обязательных служб и на редкие прогулки. Иногда он вдруг интересовался каким-то наиболее перспективным, по его мнению, послушником, давая тому несколько персональных уроков. Но это бывало не часто, и мало кто из послушников искренне желал удостоиться такой чести…

Мастер Ли был полной противоположностью своему коллеге. Даже внешне. Это был полный, невысокого роста круглолицый китаец. С привычной, казалось, никогда не сходящей улыбкой на лице. Мастер Ли обладал мягким и сострадательным характером. Все обитатели монастыря его обожали. Стоило ему появиться во дворе, как его обступали послушники, радуясь возможности услышать какую-то поучительную историю, получить наставления или просто услы-

шать добрые слова в свой адрес. А выходил мастер Ли часто. Ему совсем не сиделось у себя в комнате, он постоянно был чем-то занят в монастыре. И это нравилось ему гораздо больше, чем медитация, во время которой он частенько засыпал, чего очень стыдился.

Как обычно, мастер Ли первый не выдержал затянувшегося молчания.

– Брат Чен, могу я вас спросить? – начал мастер Ли. – Об одной вещи, которая меня давно беспокоит?

– Конечно, любые беспокойства нужно немедленно пресекать, иначе они будут препятствием на нашем пути. Я буду рад, если смогу помочь вам, брат Ли.

– Брат Чен, неужели вас не тревожит вся эта неуместная роскошь вокруг?

– Роскошь? – мастер Чен недоуменно поднял взгляд. – Ах это!.. Нет, она меня не беспокоит. Неужели есть какая-то разница в медитации на ковре или соломенной подстилке? И то и другое, в конце концов, не существует, не говоря уж о том, что не существует разницы между ними. Как может существовать разница между двумя вещами, которых нет?

– Это теоретически, но практически… – мастер Ли замолчал, старясь подобрать слова.

– Да, вы правы, – вдруг согласился мастер Чен. – А практически эта «роскошь» беспокоит вас… Вы можете поступить с ней так, как хотите.

– Но вы забываете о примере, – мастер Ли вдруг почув-

ствовал себя уязвленным, но за доли секунды уничтожил негативное чувство. – В монастыре живут монахи, которые еще не достигли вашего уровня понимания. Ради них я показал пример непривязанности, сбросив все ненужное в пропасть, в пустоту…

– Да, так тоже можно, – повторил мастер Чен. – Но простите, дорогой брат Ли, за откровенность, вы ошибаетесь в том, что ваш пример был примером непривязанности. Вы как раз показали пример привязанности, пусть очень возвышенной, но привязанности…

Мастер Ли хотел что-то сказать, но вместо этого надолго замолчал.

– Вы правы, мастер Чен, – наконец тихо произнес он. – Ваш пример – пример настоящей непривязанности. Простите.

Они снова помолчали. И снова мастер Ли начал говорить первым:

– Вообще-то я пришел спросить не об этом… Я хотел бы узнать… Я хотел бы поговорить о брате Фэй Хуне…

– Брат Хун?.. Да, у него есть шансы. Не очень большие, но есть… – мастер Чен проницательно посмотрел на собеседника.

– Да, но я бы снова хотел поговорить о ваших методах обучения. Вам не кажется, что они несколько… жестоки?

– Жестоки? Жестокость рождается от чувств: от злобы, зависти, ревности… Я не мог быть жестоким, потому что

не могу ничего из вышеперечисленного испытывать по отношению к брату Хуну или к кому бы то ни было еще…

– Да, но он уже второй день не может нормально дышать носом!

– Разбитый нос за мгновенное просветление – не такая уж высокая плата…

– Мастер Чен, пожалуйста, для моего блага, расскажите подробнее о том, что произошло…

– Хорошо, – легко согласился мастер Чен. Он закрыл глаза и в течение получаса не произнес ни слова, а потом внезапно, без всякого перехода, заговорил:

– Я давно приметил брата Хуна. У него большой потенциал, но он молод и, несмотря на глубокие теоретические знания, не понимает основ. Я решил помочь ему. Вечером, когда монастырь готовился ко сну, я позвал его с собой. Мы пошли на вершину Кунь. Там очень хорошо наблюдать закат. Мы шли, и сначала подъем был не слишком крут. Подножье горы всегда полого. Оно было покрыто травой и цветами. Идти было приятно и легко. Брат Хун смотрел по сторонам и радовался прогулке. Но вот мы подошли к первому большому камню. Он был голым и острым. Я остановился перед ним и оглянулся на пройденные луга. «Сейчас мы прошли легкий путь. Ты понял это, брат Хун?» – спросил я его. Он ответил: «Да», и мне показалось, что он действительно понял. «Но чтобы идти дальше, мы должны преодолеть этот острый камень, – сказал я. – И дальше уже не будет так

мягко и легко. Ты понимаешь это?» – «Да», – снова ответил брат Хун. И тогда мы преодолели голый и острый камень, и брат Хун немного содрал кожу на колене, потому что был неопытен. Мы преодолели камень и пошли по крутой тропинке вверх. Здесь уже не было цветов, только горные травы еще кое-где пробивались сквозь камни. С каждым шагом взбираться становилось все труднее. Брат Хун уже не смотрел по сторонам. Мы добрались до небольшой ровной площадки и снова остановились. «Мы прошли сложный путь, – сказал я. – Но дальше будет еще сложнее, и поэтому нужна передышка. Понимаешь?» – «Понимаю…» – сказал брат Хун, и я подумал, что он действительно понимает. Я дал время на отдых, а затем мы стали взбираться дальше. Гора стала совсем крутой, и нам иногда приходилось пробираться ползком, обдирая колени и ладони, но мы двигались вперед. И на середине этого пути, не останавливаясь, я спросил брата Хуна: «Понимаешь?» И он, задыхаясь, ответил: «Да». И я подумал, что он действительно понимает…

Брат Хун совсем уже выбился из сил, когда мы добрались до ровной площадки на самой вершине горы. В двух шагах от нас была бездонная пропасть, а прямо перед нами догорал кровавый закат… И тогда я сказал: «Мы забрались. Теперь мы на вершине, и одновременно у самой пропасти… Посмотри же на закат!.. Понимаешь?!» Тогда брат Хун посмотрел на красный закат и усталым голосом сказал: «Да, очень красиво…» И тогда я понял, что все его «да» были просто

бессмысленным сотрясением воздуха! И тогда я размахнулся и как мог сильно ударил его кулаком в нос. Он зашатался, схватился руками за лицо, а когда отнял их и увидел кровь… Из его носа текла кровь, и его руки стали красными… Брат Хун посмотрел на красные руки, а потом на кровавый закат, потом снова на руки… И тогда он действительно ПОНЯЛ! Я прочитал это по его глазам…

Мастер Чен замолчал. Казалось, то, что ему пришлось так долго говорить, утомило его. Он помолчал, а потом уверенно повторил:

– Разбитый нос за подлинное понимание – не такая уж высокая цена… Понимаете?..

– Да… – сказал мастер Ли и непроизвольно потер рукой нос. Он прикрыл веки и сосредоточился на том, что рассказал ему брат Чен. Все было действительно прозрачно, очевидно. То, что послушник Фай Хун не смог сразу понять такого простого урока, можно было объяснить только его невнимательностью. Вдруг мастеру Ли пришла в голову замечательная мысль:

– А не мог ли быть его ответ в конце пути знаком его абсолютного понимания? Не промежуточного, на которое рассчитывали вы, а конечного? Ведь те его слова на вершине горы, слова «да, очень красиво» при виде кровавого заката, могли означать не только непонимание, но и наоборот, полное понимание…

Мастер Чен с уважением глянул на собеседника.

– Да, если бы эти слова были сказаны так, как они должны были быть сказаны, то это были бы слова Будды… Но они были сказаны так, что мне пришлось разбить брату Хуну нос…

– Конечно… Простите, я просто хотел произвести впечатление своим глубоким видением…

– Что вы, брат Ли, я рад, что вы мне указали на этот удивительный момент. Сегодня же вечером я снова заберусь на гору Кунь и попробую увидеть то, что вы сказали.

– Но мое понимание всего лишь теоретическое. Кто знает, что сказал бы я, пройдя весь путь и оказавшись на вершине горы Кунь…

– Подлинное понимание часто рождается из теоретического знания, если последнее не становится самоцелью…

– Но еще чаще теория порождает другую теорию. Подобно тому, как от верблюда рождается верблюд, а от обезьяны – обезьяна, так и теоретическое знание порождает лишь теоретическое понимание…

– Да, чтобы стать буддой, надо соприкоснуться с буддой, а не читать книги будды, – грустно согласился мастер Чен и после паузы с благодарностью заметил: – Наш разговор сегодня дал мне почву для вечерней медитации…

В комнате в который раз за беседу воцарилось молчание. Немного погодя, мастер Чен глубокомысленно произнес:

– На самом деле я был бы не против, чтобы какой-нибудь будда «ударил меня в нос»…

– Именно это вы называете «соприкоснуться с буддой»? – решил пошутить мастер Ли. Но мастер Чен только вежливо улыбнулся. Тогда, чувствуя неловкость, мастер Ли продолжил:

– Все-таки я хотел бы до конца разобраться с этой историей… Неужели нельзя было как-то по-другому? Как-то мягко объяснить брату Хуну?

– Зачем? – удивился мастер Чен.

– Но ведь можно было обойтись без вашего сурового урока. Можно было подробно объяснить, чем в тот вечер была гора Кунь, что было ее подножием, и острым камнем, и тропинкой, и площадкой наверху, перед обрывом, что значил закат, в конце концов… Ведь это все можно было просто объяснить!

– Объяснить? Вы думаете, мастер Ли? Разве такие вещи можно ОБЪЯСНИТЬ? Мне всегда казалось, что понимание невозможно дать просто объяснениями… Только действие поможет. И пусть оно будет казаться жестоким… Это только кажущаяся… Видите осу? – вдруг перебил мастер Чен сам себя и указал собеседнику на окно. Мастер Ли посмотрел в указанную сторону и увидел маленькое желтое насекомое, упорно бьющееся в закрытую часть окна. – Видите, как она бьется? Подойдите и объясните ей, что стоит чуть-чуть отлететь назад, потом еще чуть-чуть полететь направо, и она – свободна. Потому что вторая створка окна открыта, и оса сможет лететь, куда ей вздумается. Попробуйте ей объяснить

все это! Ведь это так просто…

Мастер Чен замолчал, словно ожидая от коллеги попытки убедить бедное насекомое, а потом закончил:

– Сколько бы вы не объясняли ей, что свобода в двух сантиметрах от нее, оса будет биться и биться в стекло, пока не умрет… Понимаете?

– Да, но человек – не оса…

– Разве? Вы всерьез думаете, что большинство людей чем-то отличаются от нее? Вспомните всех этих многочисленных мистеров смитов! Разве они не бьются в свои окна? Разве их не ждет неминуемая гибель, хотя спасение всего лишь в двух шагах от них?

– Да, но ваш метод…

– А мой метод таков!.. – мастер Чен вдруг встал с кресла, взял со стола серебряную шкатулку, шагнул к окну, быстро накрыл осу шкатулкой и щелкнул крышкой. Жужжание на секунду прекратилось, а потом возобновилось с новой силой, но уже внутри шкатулки. Мастер Чен поднял шкатулку в руке, показывая собеседнику.

– Смотрите, она недовольна. Она возмущена и готова жалить за такую несправедливость. Ведь ее лишили свободы, теперь она не может свободно биться в стекло до смерти. Но… – мастер Чен выставил руку со шкатулкой в открытое окно и легко, привычно перещелкнул крышечкой. Мастер Ли успел увидеть, как оса с огромной скоростью вылетела из открытой шкатулки и исчезла в солнечных лучах. –

Но… теперь она действительно свободна… – закончил мастер Чен и вернулся в кресло. – Пусть она думает обо мне, что хочет. Я не привязан к благодарности… Да, может быть, если бы я потратил полжизни, объясняя ей природу стекла и полуоткрытого окна, и каким-то чудом достиг в этом успеха, то она была бы мне очень благодарна, сказала бы: «Спасибо, мастер Чен, за великую науку, теперь я знаю так много, и могу лететь». И если бы для меня существовала разница между славой и оскорблениями… А ведь она, несомненно, ругает меня на чем свет стоит, не так ли, брат Ли? «Поймал, запер, да еще неосторожно стукнул крышкой…» Так вот, если бы для меня существовала разница, то я бы предпочел первый путь… Но меня не интересует отношение ученика ко мне, меня заботит его свобода, и если для этого надо разбить нос, то я разобью нос. И не важно чей…

Мастер Чен замолчал. Его собеседник неожиданно поклонился и вышел. Мастер Чен удовлетворенно кивнул, закрыл глаза и погрузился в медитацию.

Мастер Ли вышел, закрыл за собой дверь и остановился. Ему было одновременно грустно и радостно. Грустно за себя и радостно за брата Чена.

– Брат Чен по-настоящему идет по пути Будды, – тихо сказал сам себе мастер Ли. – А я… Я слишком привязан…

Мастер Ли вышел во двор монастыря, и его тут же окружили ученики.

– Мастер Ли! Мастер Ли! Расскажите нам историю

о блуждающем будде! Вы обещали!..

Мастер Ли посмотрел на горящие интересом глаза, на знакомые, такие родные лица. Вот недавно прибившийся к монастырю послушник, которого он пару месяцев назад вылечил от малярии, выхаживая день и ночь; вот брат Тэн, пожилой монах, с которым они однажды потерялись в снегах и чуть не замерзли насмерть; вот совсем молодой послушник-сирота, для которого мастер Ли стал и отцом и матерью. Родители парнишки погибли во время обвала. Его сегодняшняя улыбка стоила мастеру Ли немало дней и ночей…

«Мастер Чен прав – я слишком привязан, я никогда не смогу ударить никого из них… Даже ради просветления… Я привязан к благодарности, к этим любящим взглядам, к этой теплоте, мое сердце принадлежит им, а не пустоте…»

Мастер Ли опустился на предусмотрительно подготовленную учениками подстилку и приготовился рассказывать обещанную историю. Послушники оживленно устраивались вокруг. Вдруг они, как один, замолчали, с лиц исчезла улыбка. Мастер Ли оглянулся. Во двор вышел мастер Чен и молча направился в сторону горы Кунь. Послушники втянули головы в плечи. Видно было, что они боятся пошелохнуться. Но сегодня мастер Чен никого с собой не позвал. Он собирался один увидеть красоту кровавого заката…

– Мастер Чен желает вам только блага… – зачем-то сказал мастер Ли, когда старший наставник исчез за воротами

монастыря.

– Мы знаем, знаем, – заговорили монахи. – Он очень продвинут…

Они снова оживились, снова на лицах заиграла улыбка, радостно засмеялся мальчик-сирота:

– А правда, что блуждающий будда…

И вдруг грусть, сидевшая внутри мастера Ли, куда-то исчезла. «Может быть, брат Чен и прав, и мне никогда не достичь вершин духовного осознания. Пусть мой разум слаб, но мне кажется, что это тепло… эта… любовь… выше, чем…» – мастер Ли осекся даже в мыслях, а через мгновение он почувствовал, как внутри…

– А правду говорят, что если человек внезапно получил просветление – это значит, его посетил блуждающий будда? – спросил кто-то, но мастер Ли не ответил.

…И долго еще ждали ученики обещанной истории, потому что их любимый наставник окаменел, словно древняя статуя Будды. И лицо его светилось счастьем и неземным пониманием…

Взгляд из сердца

Девочка точно знала – мир ее ненавидит. И отвечала взаимностью.

«Жизнь – говно, родители – сволочи, люди – уроды, – повторяла она про себя. Девочка уже была большая и знала много подобных слов.

Она часто убегала из дома. Забивалась куда-нибудь и думала, почему мир, в который она попала, такой серый, подлый и страшный.

Иногда она пыталась найти вокруг что-то прекрасное. Она слышала, что жизнь удивительна, в ней много красок и восхитительных ароматов.

– Где? – спрашивала девочка и подозрительно, с ненавистью оглядывалась. И видела только уродство и сволочей. Принюхивалась, но никаких ароматов, кроме запаха уборной, не чувствовала. И она в сотый раз убеждалась, что рассказы о прекрасном мире вокруг – вранье. Просто еще одно вранье взрослых уродов.

– Может, мир для кого-то и прекрасен. Для тех, кого он любит. А меня он ненавидит… Ну и хрен с ним! – Девочка смачно сплевывала и шла домой переночевать.

А однажды утром она вышла из дома и пошла к реке, чтобы прятаться в кустах, смотреть на плескающихся детей и незаметно кидаться в них камнями.

На первом же перекрестке ее сбила машина. Девочка лежала на асфальте, окруженная людьми и смотрела на затянутое серыми тучами небо. Она почему-то не чувствовала боли, поэтому, сжав зубы и отметив еще один факт ненависти мира к себе, попыталась встать, но тут же потеряла сознание.

Девочка очнулась на операционном столе.

– …Ну и досталось бедняжке. Все кости переломаны! – услышала она словно откуда-то из космоса, так звенело в ушах.

– Да не преувеличивайте вы, Ульяна Матвеевна! – ответил серьезный мужской голос. – Могло быть и хуже. А тут – через месяц-другой все срастется. И следа не останется!

– Да вы на нее посмотрите, бедолагу. Ведь вся в гипсе, словно мумия! – снова запричитала Ульяна Матвеевна. – И пошевелиться ведь не может.

– Ей и не надо шевелиться, пока все не срастется. Организм молодой, все будет хорошо, не переживайте. И не вздумайте такие речи при девочке вести! Скажете, что ничего серьезного, и что она скоро снова будет бегать и радоваться жизни!

«Ага, как же…» – мрачно подумала девочка и приоткрыла глаза, чтобы посмотреть на урода, который хочет ее обмануть. Уродом оказался высокий доктор в белом халате.

– Родители-то ее объявились? – спросил он.

– Нет еще, Разик Умович… – вздохнула Ульяна Матвеевна. – Куда везти-то бедняжку? В палате для девочек мест нет.

«А как же! – усмехнулась про себя девочка. – Сейчас еще к пацанам положат, и они будут надо мной издеваться…»

Она попробовала пошевелиться, но не получилось. Чуть сильнее приоткрыла глаза и попыталась осмотреть себя. Что-то непривычно большое и белое.

– Беда! – сказал доктор и неодобрительно покачал головой. – И к ребятам не положишь. Там кровати чуть ли ни в плотную стоят. Ну сколько можно начальству писать, что травматологическому отделению нужны просторные палаты, а не комнатки с пятью кроватями?! Подсобку начали переделывать, как я просил?

– Там даже один больной уже лежит! – сказала Ульяна Матвеевна. – Правда, не нашенский, из соседнего корпуса. У них тоже места не было, вот и напросились, услышав, что мы новую палату делаем. Ее, конечно, еще не успели…

– Ну, туда и везите, по-другому пока никак…

«Конечно, мест нет, а меня – в какую-то подсобку, да еще к пацану!» – с ненавистью подумала девочка и зажмурилась, чтобы не видеть этот паршивый мир.

Она почувствовала, как ее повезли, а потом ощутила затхлый запах, совсем не похожий на медицинский дух операционной. Остановка, скрип двери, снова движение, а затем едва заметный удар кровати-каталки о стену. Девочка поморщилась, но глаза решила не открывать до последнего.

– Ты, смотри, не обижай девчушку! – сказала Ульяна Матвеевна. – Пока к тебе положим. Она немного поломанная,

бедняжка. Будешь кавалером себя вести?

– Буду, – пообещал тихий мальчишеский голос.

«Ага, как же, – подумала девочка. – Только и ждал наверное, чтобы ему кого-нибудь беспомощного поиздеваться привезли. Ничего, пусть только попробует!»

– Ну, я пойду, – сказала Ульяна Матвеевна. – Она спит пока. После операции. Так что не буди. Пусть сама проснется…

– Хорошо…

Снова скрип двери и – тишина.

Девочка долго лежала, ожидая каких-нибудь очередных подлостей от ненавидящего ее мира. Но все было спокойно. Пацан, видимо, не собирался пользоваться отсутствием нянечки и делать какую-нибудь гадость.

«Ну и дурак!» – подумала девочка и открыла глаза. И тут же убедилась, что мир в очередной раз ее пнул, причем и без помощи других людей.

Девочка оказалась совсем не в палате, а в маленьком помещении с серыми бетонными стенам, яркими лампами на потолке и следами несостоявшейся поклейки обоев на полу.

Девочка зажмурилась, но почти сразу снова открыла глаза и внимательно осмотрела себя. Она могла шевелить головой и одной рукой. Голова свободно двигалась направо-налево и вверх-вниз. Непострадавшая рука крепилась к телу узкой лентой марли в один слой. Девочка с легкостью ее порвала.

Все остальное тело было перебинтовано и казалось совершенно бесчувственным.

«Словно одна голова живой осталась, – равнодушно подумала девочка и внимательнее осмотрела «палату». Помещение было похоже на старый заброшенный склад, в котором долгие годы хранился всякий хлам. Потом этот хлам спешно убрали, но ощущение склада-подвала вместе с мусором вынести не удалось.

На полу валялось несколько рулонов цветастых обоев и забрызганный белой краской валик без ручки. Серый потолок был выскоблен, но не побелен, а длинные лампы дневного света резали глаза.

Девочка окинула взглядом все помещение. Оно и по форме оказалось очень странным. Стены – словно две дуги, соединившиеся вместе в форме рисованного сердца. Причем кровать девочки стояла в одной половинке этого «сердца», а кровать незнакомого пацана – в другой.

Девочка с тревогой посмотрела на соседа. И успокоилась. Это был совсем еще маленький мальчик, на несколько лет младше девочки. Он лежал в гипсе, одной ногой привязанный к какому-то хитрому приспособлению вроде строительного крана. Рядом с кроватью мальчика стояла тумбочка с графином, стаканом, книгами и большой упаковкой то ли конфет, то ли таблеток.

«А у меня где тумбочка?!» – разозлилась девочка.

Маленький мальчик заметил, что соседка проснулась

и смотрит на него. Он отложил книжку, улыбнулся и сказал:

– Привет! Как тебя зовут?

– Пошел в жопу! – ответила девочка и отвернулась, уставившись в серый потолок.

– Странное имя! – рассмеялся маленький мальчик, но так по-доброму, что даже девочка не нашла его ответ обидным. – А я здесь совсем недавно. Ты заметила, какая у нас прикольная палата?! Так здорово! Я никогда таких помещений не видел. Словно каменное сердце. Мы лежим в двух его половинках, а внизу, в уголочке – дверь. Классно ведь, правда?..

– Слушай, заткнись, а? – сквозь зубы сказала девочка.

– Болит, да? – с сочувствием спросил мальчик. – Ничего, у нас нянечка хорошая, и доктор тоже. Все у тебя пройдет скоро… Я тогда почитаю еще? Ты как отдохнешь, спрашивай, чего хочешь. Поболтаем, а то ведь скучно…

Мальчик вернулся к чтению, а девочка к мрачным мыслям. Вдруг в наступившей тишине она услышала «бум». Девочка прислушалась. Тихо. А потом снова – «бум». Гулкие удары раздавались один за другим через равные промежутки времени.

– А это что еще за хрень? – не выдержала девочка и снова повернула лицо к соседу.

– Где?

– Ну, вот эти «бум-бум», которые непонятно откуда, словно со всех сторон. Гулко так «бумкают»…

– А, это… Я думаю, где-то стену долбят или еще что, вот

до нас и отдается. Ты не обращай внимания, через какое-то время просто перестаешь замечать…

Мальчик помолчал, а потом отложил книгу и вдруг сказал:

– А у меня здесь окно есть!

«Кто бы сомневался! – у девочки все сжалось внутри от зависти. – Мало того, что меня положили в подвал с болтливым пацаном-малолеткой, так еще и единственное окно оказалось на другой стороне комнаты!»

Девочка не видела его из-за необычной формы «палаты».

– Хочешь, я тебе буду рассказывать, что происходит там, за окном? – спросил маленький мальчик. – Там здорово и очень красиво!

Девочка не ответила, и мальчик, решив, что соседка не против, начал говорить:

– Я вижу прекрасный садик при больнице. Там много цветущих деревьев, клумб и дорожек, по которым прохаживаются очень счастливые люди. Сейчас утро, и солнышко только встало. На деревьях поют птицы. Их здесь не слышно, конечно, но я вижу, как открываются их маленькие ротики, а это значит, что птички поют. Прямо под окном большая клумба с кустом роз. Они такие прекрасные. Я никогда не видел цветов красивее. Они удивительно пахнут. Конечно, мы здесь не чувствуем этого запаха, но я вижу, что вокруг роз вьются десятки шмелей и пчел, а это означает – цветы очень-очень ароматные. Небо сегодня синее-синее и чистое.

День будет замечательный. Ой, на скамейку прыгнула кошка и стала мыться. Так здорово! Моется, а сама поглядывает на ветку, где поет маленькая синичка… Эй-эй! Синичка, берегись кошки! – Мальчик радостно засмеялся. – Нет, не бойся, она до нее не достанет…

Девочке захотелось, чтобы невидимая кошка подпрыгнула, схватила эту дурацкую синичку и разорвала на глазах у мальчика. Может, тогда он перестанет так радоваться и смеяться. Девочке хотелось крикнуть на пацана, чтобы он заткнулся, но она не могла. Она сама никогда не видела такой красоты, о которой рассказывал счастливый сосед. Ей было ужасно завидно, что она не может посмотреть в окно и увидеть это прекрасное утреннее солнце, клумбы с цветами, шмелей и кошку на скамейке…

– Ой, к скамейке подходят дети! – продолжал говорить маленький мальчик. – Трое. Кошка перестала вылизываться и посмотрела на них. А лапа так и осталась вытянута… Так прикольно!

«Ничего, сейчас эти дети поймают твою мерзкую кошку за хвост и…» – подумала девочка.

– Смотри-ка не убегает! – удивился мальчик. – Дети сели вокруг нее и гладят, а она мурлычет и ласкается… Я, конечно, не слышу, как она мурлычет, но кошки всегда мурлычут, когда их гладят… Она, наверное, бездомная, и ей не хватает пищи и ласки…

Мальчик замолчал.

– Ну, чего там? – не выдержала девочка. – Что происходит?

Она надеялась, что ребята все-таки возьмутся за ум и хотя бы привяжут к кошке консервные банки. Она сама когда-то так же гладила бездомную кошку, чтобы та успокоилась и позволила надеть ошейник…

– Дети чего-то обсуждают, – ответил мальчик. – Разговаривают друг с другом. Пока не могу понять о чем. А! Понял! – Вдруг просиял он. – Они решают, кто возьмет кошку к себе домой! Она больше не будет бездомной! Ура! Ага, точно! Вон та девочка в светлом платье… Она взяла кошку на руки, и дети пошли дальше по дорожке…

– Заткнись, а? – прошептала девочка. Ей хотелось плакать от обиды. Почему, если уж ее положили в эту уродскую палату, то не могли положить там, у окна? Она бы смотрела на прекрасный мир, а не на серый потолок и бетонные стены…

Мальчик замолчал.

Девочка закрыла глаза и попыталась заснуть. Она ненавидела эту палату, она ненавидела мир, который поместил ее сюда, и она ненавидела мальчика-соседа, который занял место у окна и дразнил ее, рассказывая, как там, за окном, хорошо и как много интересного…

«А я должна буду целый месяц пялиться в потолок, – зло сказала девочка себе. – А чего ты хотела?..» Она еще какое-то время с ненавистью думала обо всем, что с ней слу-

чилось. Но мысли упрямо возвращались к словам мальчика, к тому, о чем он рассказывал. Солнце, цветы, птицы и добрые дети, подобравшие бездомную кошку… Девочка незаметно забылась и вскоре уснула.

Она проснулась от голода. Ей приснилось, что пришла нянечка Ульяна Матвеевна и принесла еду. Вкусную, совсем не больничную. Мальчик на соседней койке закричал: «Ура! Кушать принесли!», и девочка села в кровати, чтобы как следует наесться. «Нет, – сказала Ульяна Матвеевна во сне. – Тебе есть не положено. У больницы нет средств кормить сразу двоих, поэтому весь месяц ты будешь только лежать и смотреть, как кушает твой сосед…»

В этом месте девочка проснулась и увидела, что рядом с ее кроватью появилась тумбочка, на которой стоял поднос с супом, кусочками хлеба и кашей.

– Ульяна Матвеевна приходила в обед, но ты очень крепко спала, и она не стала тебя будить, – сказал мальчик, заметив, что девочка завозилась. – Сказала, как проснешься, ее позвать, и она тебя покормит…

– Ну так зови, – буркнула девочка.

– Я не могу, у меня звонок сломан. Завтра обещали починить. Ты сама позови. Звонок внизу, к краю кровати прилеплен. Ты руку опусти… Ага, вот так, чуть правее… Чувствуешь такую пипочку пластмассовую? Вот ее и дави…

Девочка нажала «пипочку». Но ничего не произошло.

– Ты много раз не дави, – сказал мальчик. – А то Разик

Умович забеспокоится…

– Так ведь не срабатывает…

– Просто здесь не слышно. Подожди…

Девочка убрала руку со звонка и стала ждать. Вскоре и правда открылась дверь и появилась Ульяна Матвеевна.

– Проснулась наконец-то? – спросила она и бойко подсела к кровати девочки. – Ну, давай, чуть-чуть тебя подниму… Вот так, хорошо… Сейчас будем кушать…

– Я не соплячка какая-то, сама могу! – заупрямилась девочка. – Одной рукой справлюсь!

– Ну, давай, давай, – согласилась нянечка. – Я просто тарелки подержу…

Девочка ела, неловко орудуя левой рукой и слушая успокаивающий голос Ульяны Матвеевны:

– Ты, если что, звони. Сегодня моя смена. Дежурить буду. А кости у тебя молодые, срастутся скоро. Недельку только в гипсе-то будешь, а потом снимать его потихоньку начнем. Так доктор сказал…

Девочка молчала, сосредоточенно жуя и думая о том, почему все вокруг только и делают, что врут.

Ульяна Матвеевна вскоре ушла, а девочка заметно повеселела после сна и еды. Она посмотрела на мальчика, удивленная, что он молчит и не пытается, как раньше, завести с ней разговор. Девочке хотелось поговорить, но начинать беседу первой считала ниже своего достоинства.

Мальчик лежал неподвижно. Он был бледен и как будто

даже уменьшился в размерах.

«Не одной мне бывает плохо», – подумала девочка и с облегчением вздохнула.

Мальчик заметил внимание соседки и потянулся к тумбочке. Он взял что-то из коробки и проглотил.

– Сейчас, – сказал он девочке. – Я сейчас…

– Что там у тебя? – спросила она. – Конфеты?

– Таблетки. Я без них не могу. Я должен регулярно принимать их, чтобы оставаться в больнице…

– А ты хочешь здесь оставаться? – удивилась девочка.

– Нет, но пока я не могу покинуть больницу, потому что еще не научился видеть прекрасного мира, который там, за стенами… Если я перестану принимать таблетки и книги прямо сейчас, то меня просто переведут из одного корпуса больницы в другой, как было уже много-много раз…

– Но ты же можешь смотреть в окно! – сказала девочка, и зависть с новой силой сжала ее. – И ты там все можешь как следует рассмотреть…

Девочка замолчала, а потом тихо попросила:

– Как там? Расскажи…

Ей было противно, что приходится просить этого пацана рассказать о том, что происходит в прекрасном мире за окном, но другого выхода не было. Она не могла увидеть его сама.

Маленький мальчик посмотрел в окно.

– Там вечер, – сказал он. – На небе появились звезды,

и мир стал глубоким-глубоким… Ой! Один за другим зажигаются фонари, словно вслед за звездочками! Это так красиво. Теперь можно смотреть не только в глубину неба, но и на мотыльков, танцующих вокруг фонарей… Какой причудливый танец…

Мальчик замолчал, наблюдая за насекомыми. Он снова оживал. То ли от проглоченной таблетки, то ли от созерцания мира за окном.

– Ну, что там еще? – не выдержала девочка, глядя, как на щеках соседа вновь появляется румянец.

– Ой! – улыбнулся мальчик. – Оказывается, даже вечером по садику ходят люди. Парами. Они очень счастливые, потому что вместе, и они никогда не расстанутся. Помнишь скамейку, где утром сидела кошка?.. На ней сейчас два очень красивых человека. Они смеются и говорят о чем-то… Я пока не могу понять о чем. А! Понял. Он говорит ей: «Я тебя люблю…", и она отвечает…

– Любовь – это вранье! – не выдержала девочка и вдруг расплакалась. – Это еще одно вранье взрослых!

– Ну почему же? – сказал мальчик. – Разве родители тебя не любят?

– Нет! Они такие же уроды, как и все вокруг! Я для них никто!

– Не говори так, – мальчик повернулся от окна к девочке. – Иногда кажется, что мама и папа забывают о нас, и тогда мы попадаем в больницу. Но они нас очень любят. И они

очень ждут, что мы вернемся и больше никогда не будем убегать из дома.

– Ты просто еще сопляк и ничего не понимаешь! – сказала девочка, быстро успокоившись. Еще не хватало плакать перед этим малявкой! – И говоришь ты какую-то ерунду. Лучше заткнись и рассказывай, что там, за окном…

– Хорошо, – мальчик снова повернулся к окну и стал говорить.

Девочка смотрела на серый потолок и слушала о прекрасном мире, который не могла увидеть. Ее душила зависть. Вскоре она начала ненавидеть этого мальчишку, которому так повезло. Ей много раз хотелось прервать его рассказ, но она не могла…

Вдруг лампы на потолке погасли, в палате стало темно, и только слабый свет пробивался под дверью.

– Все, пора спать, – сказал мальчик. – Видишь, свет выключили? Я тебе завтра еще расскажу. Можно проснуться пораньше и увидеть восход солнца… Хочешь?

Девочка не ответила. Она лежала и думала о прекрасном мире с глубоким небом, звездами и любящими друг друга людьми, которые никогда не расстаются. И о том, что из-за этого мерзкого пацана она сама никогда этот мир не увидит, не сможет насладиться восходом, о котором мальчишка будет с упоением рассказывать завтра. А она опять не сможет его остановить, беспомощно завидуя.

Мальчик, не дождавшись ответа, подумал, что соседка

спит, и тоже завозился, устраиваясь поудобнее. Вскоре он спокойно сопел под одеялом, и в наступившей тишине девочка опять услышала гулкое «бум».

«Неужели и ночью долбят?» – вяло удивилась она и закрыла глаза, надеясь заснуть.

Но сон не шел. Девочка выспалась днем, и сейчас ей хотелось только одного – посмотреть в окно.

– Ненавижу, ненавижу! – шептала девочка. – Ненавижу этот мир, эту больницу, родителей и всех людей! А больше всего ненавижу этого пацана, который может свободно смотреть в окно и видеть прекрасный мир, которого я никогда не видела и который из-за него никогда не увижу!

Девочка открыла глаза и стала неподвижно смотреть в потолок. Потом повернула голову и с ненавистью взглянула на спящего мальчика. Пробивающегося из освещенного коридора света было достаточно, – девочка отлично видела и кровать соседа, и его спокойное счастливое лицо, белевшее, словно луна на небе, о которой еще недавно он сам рассказывал.

Вдруг мальчик застонал. Он заметался по кровати, а потом проснулся.

Девочка видела, как мальчик сморщился от боли, приподнялся и потянулся к коробке с таблетками. Но в этот момент его передернуло, рука невольно толкнула коробку, и она упала на пол…

– Ой! – сказал мальчик и растеряно огляделся. – Что же

теперь будет?

Он потянулся к звонку, но, видимо, вспомнив, что тот не работает, опустил руку.

– Девочка! – негромко сказал он. – Девочка, позови, пожалуйста, Ульяну Матвеевну. У меня таблетки упали. Мне без них плохо, я умереть могу…

У девочки перехватило дыхание. Она замерла, делая вид, что крепко спит.

– А-а-а! – вдруг закричал мальчик и заметался по кровати, колотя по звонку. – Девочка! Девочка! Проснись!

Теперь он кричал громко, не зная, что разбудить можно только спящего…

Девочка едва дышала. Ей хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать криков, но она боялась пошевелиться и выдать себя.

«Как было бы здорово, чтобы ты умер! – думала она и дрожала от возбуждения. – Тогда бы тебя увезли, а мою кровать поставили у окна! И я бы уже прямо завтра смогла сама глядеть на прекрасный мир, а не на этот серый потолок!»

Мальчик кричал и корчился на кровати, а потом затих. Девочка прислушалась. Вроде не дышит…

«Есть! – подумала она и улыбнулась. – Завтра я займу его место!»

* * *

Утром Ульяна Матвеевна зашла в палату и застыла в дверях.

– Что же это?.. – прошептала она и подбежала к кровати мальчика. – Беда-то какая!

Девочка проснулась. Она успела заметить, как нянечка выскочила из палаты. Вскоре вернулась с доктором.

– Тихо! – прикрикнул Разик Умович, останавливая поток причитаний. – В реанимацию срочно! Может, еще не все потеряно. Хотя… Оставайтесь здесь, посмотрите, убедитесь, что с его соседкой все в порядке, и быстро ко мне!

Доктор собственноручно покатил передвижную кровать с телом мальчика из палаты.

Ульяна Матвеевна подошла к девочке.

– Бедняжка, бедняжка! – причитала она.

Девочка открыла глаза и ненатурально зевнула.

– Что случилось?

– Бедненькая, сосед-то твой ночью того, отдал Богу душу! – сказала Ульяна Матвеевна и смахнула слезу.

– Что сделал? – не поняла девочка.

– Помер, – вздохнула Ульяна Матвеевна. – Доктор его в реанимацию повез, а толку-то? Я же не первый год работаю, могу отличить… Ой, зачем я тебе говорю-то все это?! Ты как, нормально сама-то?

– Нормально, – кивнула девочка, едва сдерживая улыбку.

– Тогда я побегу! – заторопилась нянечка. – А ты не бойся, одна не долго будешь скучать. Мест у нас в больнице всегда не хватает, так что, может, к вечеру тебе кого и…

– Подождите! – испугалась девочка. «Еще не хватало, что-

бы место у окна опять заняли!»

– Чего еще?

– Передвиньте меня на ту сторону, где его кровать стояла! – Девочка показала здоровой рукой на освободившееся место.

– Зачем еще? – удивилась Ульяна Матвеевна. – Ни к чему совсем тебя лишний раз двигать…

– Ну, пожалуйста! Пожалуйста! – В глазах девочки сверкнули слезы. Она еще никогда в жизни никого так не просила. Ей было противно, но ради прекрасного мира за окном она была готова на все. Девочка боялась признаться, что хочет к окну. Ей казалось, что тогда ее могут в чем-нибудь заподозрить. – Мне здесь не нравится! Здесь дует! Ну, пожалуйста…

Нянечка пожала плечами и взялась за спинку кровати. Девочка тут же замолчала, боясь спугнуть удачу.

Ульяна Матвеевна передвинула кровать девочки к соседней стенке.

– Так лучше?

– Да…

– Я побежала! Завтрак сегодня будет чуть позже. Сама понимаешь. Так что не скучай! – Ульяна Матвеевна выскочила из палаты.

Девочка дождалась, пока закроется дверь и стихнет звук шагов простодушной нянечки.

Девочка специально не смотрела в окно, пока не осталась

одна. Теперь она торжественно повернулась, предвкушая, как увидит прекрасный восход, цветы, поющих птиц и счастливых людей, о которых рассказывал маленький мальчик.

Она повернула голову и замерла.

На серой стене белой краской был нарисован крест-накрест перечеркнутый прямоугольник. «Здесь будет окно, обои не клеить!» – прочитала девочка. И только в центре «окна» была приклеена старая выцветшая иллюстрация из книги. И на этой картинке светило нарисованное солнце, пели нарисованные птицы и гуляли счастливые нарисованные люди…

– Обман, все обман! – прошептала девочка и вдруг разрыдалась. – Ненавижу! – кричала она. – Ненавижу! Он обманывал меня! Издевался! Ненавижу… Нет никакого прекрасного мира…

Девочка плакала и думала о маленьком мальчике. Ей казалось, что она ненавидит его больше, чем весь мир вместе взятый. Она долго кричала «Ненавижу!», пока вдруг не поняла, что за этими словами не осталось ничего, кроме плачущего сердца…

* * *

Ульяна Матвеевна ворвалась в реанимационную и привычно запричитала. Доктор стоял рядом с приборами, разглядывая тонкую неподвижную линию на одном из экранов.

– Ничего уже нельзя сделать! – сказал он. – Это и так было ясно, еще там, в палате, но моим долгом было убедиться…

– Бедняжка, бедняжка! – забормотала нянечка и потянулась в карман халата за платком.

– Нечего плакать, – строго сказал Разик Умович. – Не первый год работаете, пора бы привыкнуть…

– Пора бы, – кивнула Ульяна Матвеевна. – Только не привыкается. Каждый раз плачу и потом целую ночь заснуть не могу!

– Я уже документы оформил, – сказал Разик Умович. – Давайте покончим с этим и займемся другими больными. Ваша подпись тоже нужна…

Доктор протянул нянечке бумагу. Внизу, после небольшого абзаца, описывающего печальный факт, было написано: «Смерть больного подтверждаю».

Нянечка взяла протянутую ручку, повздыхала и подписалась: «Манасеева У. М.», а чуть ниже доктор поставил свой размашистый причудливый автограф: «Буддхеев Раз. Ум.»

Бумагу подшили к личной карточке маленького мальчика и положили в архив, который был здесь же, в реаниматологическом отделении, за стеклянными дверцами огромного шкафа.

А сам маленький мальчик в это время гулял среди цветов и деревьев прекрасного мира. Теперь он мог услышать пение птиц и вдохнуть аромат роз, а не догадываться о том, что птицы поют, когда открывается их ротик, а розы пахнут, когда вокруг них вьются шмели. И еще на теле маленького мальчика совсем не осталось гипса, а значит, не было необ-

ходимости возвращаться в больницу. Пора было выйти за ее ворота и отправиться домой. Маленькому мальчику не нужна была больше забота Ульяны Матвеевны и лечение Разика Умовича. Маленький мальчик был свободен…

Он направился к воротам, но вдруг вспомнил о девочке, с которой лежал в одной палате.

– Бедняжка, кто теперь расскажет ей о прекрасном мире?! – расстроился маленький мальчик. – А сама она пока не может его увидеть… К тому же в палате могут поклеить обои с нарисованным цветами, и рабочие обязательно забудут оставить место для окна, потому что долбить бетон очень сложно. А девочка, глядя на причудливые узоры бумажных обоев будет думать, что видит тот самый прекрасный мир…

Мальчик на мгновение остановился, а потом зашагал обратно.

Разик Умович искал место в архиве для карточки маленького мальчика, когда тот встал со стола и подошел к доктору…

Ульяна Матвеевна только и успела, что перекреститься, после чего замерла, как статуя.

– Что это значит?! – опешил Разик Умович, глядя то на маленького мальчика, то на стол, заваленный бинтами и раскрошенным гипсом. – А как же твоя сломанная нога? Да и вообще, ты же умер! Нет, я не понял! А как же гипс? А как же таблетки?! А как же твои любимые книги?!

– Мне больше всего этого не нужно, – улыбнулся маленький мальчик. – У меня только одна просьба: можно я схожу к той девочке, с которой мы вместе лежали в палате?

– Нет! – начал приходить в себя доктор. – Не положено! Здоровые не должны ходить по больнице! Возвращайся домой!

– Ой, а зачем я спрашиваю? – вдруг засмеялся маленький мальчик. – Неужели вы сможете меня остановить?..

Он посмотрел на Разика Умовича, и тот замер точно также, как и Ульяна Матвеевна.

– Спасибо вам, вы мне очень помогли выздороветь! – сказал маленький мальчик и пошел в свою бывшую палату…

* * *

Женя Бодина открыла глаза и осмотрелась. Она лежала на асфальте. Вокруг нее толпились люди…

Сердце гулко билось. Бум… Бум…

«Собрались поглазеть, поиздева…» – начало говорить внутри, но вдруг в сердце раздался звонкий счастливый голос:

– Смотри, какие прекрасные люди вокруг! Они тебя совсем не знают, но сочувствуют и готовы во всем помочь!

Женя села и улыбнулась шоферу, который стоял рядом и дрожал. Он был бледен, его руки тряслись, а губы пытались что-то сказать…

– Не бойтесь, – сказала ему Женя, повторяя за голосом в сердце. – У меня все хорошо. Теперь у меня все будет хо-

рошо…

Она встала и пошла домой, а над ней сияло солнце в бездонной глубине, вокруг пели птицы и шелестели цветущие деревья…

Надежда на холодном подоконнике

У меня на подоконнике живет кактус. Или не кактус. Но кто-то из этого племени, несомненно. Устроен интересно. Растет такими продолговатыми листиками с волнистыми краями и пушистой «челкой» наверху. Причем словно куст, каждая «ветка» которого – цепочка этих листочков, вытягивающихся один из другого. Длинные веточки получаются, так что свисают с подоконника вниз к батарее…

А еще на дворе сейчас зима, а, значит, в комнате очень сухо. Говорят, когда влажность низкая, то это вредно, так что я ставлю на батарею чашку с водой. Прямо под «кактус».

Диспозицию обрисовал, теперь пойдет сам рассказ. Итак, стал я замечать, что в чашке с водой через день появляются листочки «кактуса». Ну, думаю, зима, энергии не хватает, сбрасывает лишнее. Достаю из чашки и выбрасываю в мусорное ведро. Раз пять выбросил, прежде чем задумался: а где остальные скинутые листочки? Если растение так себя ведет зимой, то вокруг должно быть много этих сухих «отбросов». И на подоконнике, и в батарее, и на полу. А нет ни одного! Только регулярно один листик появляется в тарелке с водой. И все. Случайность?

Переставил чашку. А то, может, она стояла под той веткой, что отвечала за скидывание лишнего. На следующий день – та же история!

И вдруг меня осенило! Мое растение не сбрасывает лишнее, оно НАДЕЕТСЯ!

Да, надеется на лучшее будущее для своих детей. Потому что я плохой хозяин, если честно: поливаю нерегулярно, да и вообще. К тому же окна не заклеены, так что на подоконнике холодно. И растение, чувствуя влажный теплый поток снизу, думает, что там, внизу – прекрасная почва, на которой ее детишки смогут быть счастливыми или, по крайней мере, более удачливыми, чем родитель. И растение, – то ли кактус, то ли кто-то из их рода, – отдает свой кусочек этой надежде. И волнистый листочек падает в воду, готовый выпустить корни и быть счастливым.

А оказывается в помойном ведре.

Кто-то посмеется, скажет – какое глупое растение! Но мне было не до смеха, когда я понял истину. Растение не глупое. Оно просто растение. Оно не может догадаться, что там внизу нет никакой почвы, а есть металлическая тарелка с водой на батарее центрального отопления. Оно не может догадаться, что тарелка это поставлена неким мыслящим двуногим просто потому, что зимой в его жилище слишком сухо. И тем более наивное растение не может догадаться, что его детей ждет мусорное ведро, а не теплая влажная земля.

Короче, я убрал воду с батареи.

Авиалинии и религии

Авиалинии «Иудаизм». В аэропорту вас встречает строгий, одинаково одетый, обслуживающий персонал. Вам подробно объяснят, где и как купить билеты, но будут постоянно одергивать при малейшем нарушении процедуры. Например, если вы попробуете купить билет, отдав деньги левой рукой, то деньги у вас заберут, но билет не дадут, потому что по правилам надо было платить правой рукой. После чего вас снова отправят в конец очереди. Простояв несколько раз и выучив все правила, вы, наконец, покупаете билет и идете к самолету. Самолет маломестный, но достаточно комфортный внутри, если вы не нарушаете никаких правил. В самолете вы усаживаетесь в кресло, но самолет никуда не летит. Потому что все ждут пилота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.